

Мальчик с Чукотки

...Кулак Ранау́ги принял их неласково. Опять эти оборванцы не только не принесли ему мяса и муки, давно взятых в долг, но и осмеливаются просить ещё.

– Оставишь мне собак и нарту! – сказал Ранауги.

– Хозяин, – чуть слышно произнесла Ву́на, – у нас больше ничего нет...

Она прижала к себе мальчика в рваных, больших, видно с чужих ног торбасах. Ятгыргин испуганно смотрел на мать.

– Тагам тундра! Вон! – хрипло закричал Ранауги, ударами ноги вытолкнул Вуну с сыном из яранги...

Снег густо падал сверху, южный ветер гнал его по тундре. В такое ненастье над упавшим, обессиленным человеком быстро вырастает снежный курган. Несколько лет назад так же ушёл к кулаку Ранауги отец Ятгыргина. С тех пор его никто не видел. Двое последних оленей с нартами после этого тоже куда-то исчезли...

Сбившись с пути, Вуна с Ятгыргином долго кружили по тундре, и пурга снова прижала их к яранге Ранауги. Они узнали эту ярангу, но войти туда не посмели. Усталые, присели около неё, съёжившись от ветра, уснули в снегу и не слышали жестоких слов, доносившихся из жилища:

– Оставишь мне собак и нарту!

– Хозяин, они у меня последние, – отвечал вздрагивающий голос.

– Тагам тундра! – слышался хриплый крик.

Ещё один бедняк становился нищим. А сколько таких бедняков кочевало по чукотской тундре от Тихого океана до Северного Ледовитого! Их грабили американские купцы, местные богатеи и шаманы, и всё равно они были должниками. Долги! Ещё неизвестно – кто кому оставался должен. За ружьё нужно было отдать столько шкурок песцов, сколько их укладывалось рядом во всю длину «винчестера», шкурка лисицы «стоила» пачку чая, связка беличьих шкурок шла за нитку ярких стеклянных бус...

Трудно жили люди в этом суровом крае. Глубокие снега заносили тундру, морозы схватывали её крепкой коркой ледяного наста, олени не могли пробить его копытами и гибли от голода. Потеряв своих оленей, чукча вынужден был идти в пастухи к богатеям-кулакам, в табунах которых было тысячи оленей. Он работал круглые сутки, получая за свой труд обглоданные кости, которые хозяин бросал собакам...

Чукчи не знали, что такое оседлая жизнь, жизнь на одном месте, не знали посёлков и деревень. Ни на одной карте нельзя было найти точек их коротких стоянок. Отдельными семьями кочевали они по необъятной тундре, перегоняя оленей на новые пастбища. Они оставались на месте недолго – съедали олени мох-ягель, люди собирали свои яранги и двигались дальше в путь.

Коллективизация на Чукотке длилась долго. Слишком разбросан был маленький народ по своей холодной земле и слишком привыкли люди жить порознь, чтобы быстро могли понять выгоды совместного ведения хозяйства...

Уже несколько месяцев помогали чукчам создавать колхозы коммунисты Якимов и Майлин.

Чукчи долго не могли поверить, что богатства тундры вновь возвращаются народу, что наступает для них новая жизнь. Радость была слишком неожиданной, а

после беспросветной жизни большая радость кажется сном. Но радость действительно пришла.

Много бесед пришлось провести Якимову и Майлину, прежде чем люди поняли, что чукотский народ должен жить дружной колхозной семьёй с большим единым хозяйством...

– Берите оленей у кулаков, стройте турваургин – новую жизнь! – сказал Якимов, закончив дела в стойбище раскулаченного Ранауги.

А Майлин добавил:

– Всё теперь ваше!

Это были последние слова двух хороших людей. В морозном воздухе одновременно ударили два выстрела... Так мстили кулаки.

Со всех сторон сбегались люди к месту гибели их русских друзей. Но под покровом полярной ночи вдруг засвистел кнут Ранауги. Он бил пастухов, и те, забыв под ударами, что несколько минут назад были свободными людьми, послушно исполняли его волю.

– Акальпе! Быстрее! – кричал он.

Напуганные люди стегали оленей, и животные, взмётывая копытами снег, бросились к северу.

– Плохо будет тому, кто расскажет об этом. Смерть тому! – донеслось до людей.

Через день в стойбище приехал милиционер Тумгека́й:

– Кто убил Якимова и Майлина?

Чукчи, боясь грозных предупреждений кулаков и шаманов, молчали. Милиционер ничего не смог добиться от них. Только сын Вуны Ятгыргин не испугался кулаков. Он растолкал толпу людей и смело подошёл к Тумгекаю.

– Убийца – Ранауги, – сказал Ятгыргин. – Он погнал оленей к американцам, на Аляску. Догонять надо...

– Молодец, мальчик! – пожал ему руку Тумгекай, вскочил на нарту и умчался к северу.

...Оленей удалось догнать и всех до одного вернуть. Ранауги исчез в пурге. Но весной, когда северные ветры пригнали льды из Берингова пролива, на одной из льдин зверобой увидели обглоданный дикими зверями труп кулака.

Но и после смерти Ранауги кулаки не сдавались. Они собрали всех оленей и решили угнать их. Ятгыргин видел приготовления кулаков и побежал к соседу просить собак: своих у него не было.

– Зачем тебе собаки? – спросил хитрый Турелькóт.

– Кулаки собираются угонять оленей! – торопливо проговорил Ятгыргин.

– Устали собаки, – ответил хозяин.

Это звучало равносильно отказу, а ждать было нельзя, и мальчик первый раз в жизни решил самовольно взять чужую упряжку. От волнения он даже не заметил, что вожак упряжки ластился к нему: это были его собаки, его нарта, отобранные Ранауги. Не заметил он и тени, торопливо мелькнувшей между ярангами... Ятгыргин подогнал упряжку к яранге, где приютилась мать, и вошёл туда. Мать была здесь. Но над нею с топором стояли кулаки. Они не выпускали её из жилища, чтобы она не могла предупредить сына об опасности, грозящей ему. Сын Ранауги, Лянв́ан, взмахнул топором. Мальчик упал...

Вместе с матерью его выволокли на улицу и бросили в глубокую холодную яму. От сырости Ятгыргин очнулся...

Ятгыргин нашёл в себе силы выбраться наверх. Он прошёл несколько шагов и упал.

Путник, возвращавшийся из тундры, остановил собак у тела, лежавшего на дороге.

– Где Тумгекай? – еле слышно спросил мальчик.

– Далеко...

– Кулаки собираются угонять оленей, – сказал Ятгыргин и потерял сознание...

Кулаки бросились искать исчезнувшего мальчика, но навстречу им уже вышли все мужчины стойбища. Они обезоружили Лянвана, а дальше вы знаете, как поступают с врагами!..

Это было более двадцати лет назад. Чукотский народ назвал Ятгыргина чукотским Павликом Морозовым. С этим именем Ятгыргина принимали в пионеры, это имя записано в его комсомольском билете.

Чукчи любят называть своих детей именами известных людей, и этот мальчик с Чукотки имеет право на славное имя, потому что он сам повторил подвиг Павлика Морозова.

Есть в глубине Чукотки село Ваеги. Его аккуратные деревянные дома стоят на берегу бурной реки Майн, стекающей с отрогов Корякского хребта холодными струями. Далеко расположено это село, но люди здесь живут одними интересами со всей страной. По вечерам они собираются в Красной Яранге почитать свежую газету, журнал, послушать радио. Красная Яранга – это школа и клуб, агитпункт и библиотека. И человек, который руководит ею, должен быть учителем и музыкантом, радистом и агитатором. И он такой есть – учитель Красной Яранги села Ваеги. Он знает последние события за рубежом, расскажет о книжных новинках, настроит радиоприёмник на волну, которая на весь мир разносит позывные советских космических кораблей...

Десятки вопросов задают ему люди, и на все вопросы он должен ответить – ведь он учитель, он несёт людям свет. Учитель всего пять лет назад окончил Анадырское педагогическое училище народов Севера, но его любят, уважают и прислушиваются к нему. Зовут учителя-комсомольца Павел Морозов.

Публикуется по: Данилов, Л. Мальчик с Чукотки // Путь отважных. – М., 1966. – С. 67 – 72.